

Дмитрий Пиорунский не похож на типичного российского функционера. Огромен ростом и габаритами. Борода. Волосы ежиком. Носит вольного кроя необъятные фуфайки и купеческие жилетки. Образован, эрудирован и красноречив, что для функционера и вовсе удивительно.

В Союзе кинематографистов России (будем для краткости называть его СК), куда Пиорунского привел два года назад Никита Михалков, его за глаза называют «серым кардиналом», коверкают фамилию на Перуанского и откровенно побаиваются. Официальный его титул — первый заместитель председателя правления СК. Но он всю комиссариат за главного — как и подобает кардиналу.

Физик по образованию, системный аналитик и предприниматель по жизненному опыту, Пиорунский фактически держит в руках главные рычаги управления пестрого, динамичного и амбициозного сообщества, объединяющего 4500 представителей различных киношных профессий. Большая часть из них считает себя гениями, ну, на худой конец, очень талантливыми творцами. Управлять этим «терраприумом единомышленников» — далеко не синекура. При этом Пиорунский продолжает оставаться вице-президентом Российского фонда культуры, откуда его привел в киношный мир Михалков, по-прежнему возглавляющий этот фонд. А вот свежая (по крайней мере, по эту сторону Атлантики) новость — Пиорунский стал исполнительным секретарем Союза общественных организаций России, некоей пока загадочной структуры, призванной лоббировать интересы гражданского общества в коридорах власти. Ничего себе властный хэт-трик!

В Нью-Йорк Дмитрий Пиорунский приехал в качестве главы делегации российских кинематографистов на Первый кинофестиваль русского кино, организованный Александром Журбиным. Мы беседовали с ним в манхэттенской гостинице «Рузвельт».

— Дмитрий, откуда у вас такая звучная, красивая фамилия? Вы каких кровей?

— Понимаю вопрос. Моя сестра, безвременно погибшая, очень хотела в свое время уехать в Израиль и искала в нашем роду еврейские корни.

— Будучи русской?

— По паспорту. Повторяю, искала еврейские корни, но так и не нашла. У меня в роду украинцы, белорусы, греки.

— Поговорим о русском кинофестивале, на который вы приехали в Нью-Йорк. Каково ваше резюме?

— Должен обязательно состояться второй фестиваль, затем третий и так далее.

— То есть начинание правильное?

— Да, да, я понял это по реакции зала, по отзывам зрителей. Разумеется, последующие фестивали долж-

ны становиться лучше. СК намерен активнее в них участвовать.

— Что намечалось и не получилось?

— Фестиваль, увы, не стал событием для англоязычных жителей Нью-Йорка. Мы не увидели на фестивальных мероприятиях официальных лиц из городской администрации, представителей американской кинематографии. Не состоялись планировавшиеся круглые столы. Были сбои в культурной программе и в организации пребывания российской делегации.

— Как вы объясняете эти недостатки?

— Фестиваль прошел во многом благодаря личной инициативе и подвижничеству Александра Журбина и его молодых коллег-студентов. Наверное, сбои не могли не произойти, сказались известные бюджетные ограничения. Но это не умаляет главного итога фестиваля. Выявился огромный неутоленный интерес публики к российскому кино. А на «Молохе» даже потребовался дополнительный сеанс.

— Каким путем должен развиваться фестиваль?

— Он должен базироваться на более жесткой юридической и финансовой схеме. Контрактные обязательства, реальная смета. Второй фестиваль мы будем проводить по схеме нормального партнерства.

— Идеальный фестиваль русского кино в Америке. Каким вы его себе представляете?

СК-новости. — 2000. — 4 февр. — с 6, 7

Человек со стороны

— Смешанная аудитория — американцы и русскоязычные иммигранты. Признание как официальных властей, так и кинематографического сообщества Америки. Интерес англоязычной прессы. Пресс-конференции, круглые столы, серьезная, уважительная опека над гостями фестиваля. Грамотная организация и расселение гостей, четкая работа транспорта, хорошо организованные банкеты. Первый фестиваль носил экспериментальный характер. Я не могу не высказать признательность Александру Журбину за то, что он выступил с такой прекрасной инициативой. Теперь, когда мы прошли этот путь первый раз, нужно отработать оптимальную модель.

— Вас не смущает, что фильмы, которые вы привезли, продаются в Бруклине в сомнительных с точки зрения законности видеовариантах, нередко на кассетах плохого качества?

— Меня это не может не смущать. Союз кинематографистов намерен защищать права своих членов. Продажа нелегальных видеокассет — явное ущемление этих прав. Меня удивляет, как люди, которые приехали жить в Америку, могут потреблять некачественные товары в виде плохих видеозаписей.

— А что вы можете реально сделать, если в России процентов 90 видеорынка захвачено пиратами? Как вы дотянетесь до Америки?

— И в России, и в Америке покупающий нелегальную кассету демонстрирует неуважение к закону. Согласно христианской традиции, это — грех.

— Моральные факторы такого рода, увы, не работают...

— Ничего подобного. Но, конечно, самый мощный фактор — действия властей, полиции. Насколько мне известно, американские кинематографисты спокойно относятся к ущемлению прав их российских коллег, во многом потому, что их права не защищаются в России.

— Вами как жулом пугали нежных российских кинематографистов. Жесткий прагматик, призванный каленым железом выжигать интеллигентские штучки и наводить военный порядок. Меняется ли сегодня ваш имидж в кинообществе?

— Хотелось бы уточнить. Пугали не мной лично, а командой Михалкова. Михалкова избирали не любя. Это тот случай, когда из двух зол выбрали меньшее.

— А какое второе?

— Разоренный СК, распавшиеся связи с СК бывших республик СССР, выключенный свет в Доме кино

на Васильевской, голодные старики — ветераны кино в Матвеевском. Инстинкт самосохранения у кинообщества сработал. Не любя выбрав Михалкова, нужно было чем-то это компенсировать. Сегодня наши критики начинают понимать: программа, провозглашенная на Четвертом съезде кинематографистов России выполняется, истериками и детским криком на лужайке с нами не справиться. Нужны аргументы, а аргументов у них нет. Сегодня в СК нормальная рабочая обстановка. Нормальная в том смысле, что организм болеет, болеет, как вся страна. Лечится как лекарственно, так и методами народной терапии.

— А как вы лечите давнюю болезнь раздоров? Насколько я знаю, распри между СК России, СК Москвы и Конфедерацией Союзов кинематографистов стран СНГ продолжают. Все время идет склочная дележка здания Киноцентра на Красной Пресне. Можно ли разорвать этот узел?

— Конфликт российского СК с московским СК — чистое кафкианство. Большую часть российского СК составляют кинематографисты, живущие в Москве.

— Не сюрреализм ли вообще — распад на эфемерные структуры, которые начинают между собой враждовать?

— Становление гражданского общества предполагает работу над собой. К сожалению, в кинематогра-

фической среде очень многие процессы идут медленно, потому что люди не хотят портить личные отношения даже во имя справедливого дела. Процесс акционирования Киноцентра возглавил Леонид Григорьевич Мурса, которого коллеги на суде обвиняли в «прихватизации» общего имущества. Было предложение исключить его из СК. Раздались голоса: ну зачем же так? Исключите Мурсу, а потом еще кого-нибудь захотите исключить... Вокруг Киноцентра идет имущественный спор, который регулируется судом. Я как-то отвечал на вопросы в киношной аудитории и сказал, что некий конкретный вопрос мы будем решать через суд. Мне сказали: как это, судиться со своими товарищами? А что, ответил я, надо своим товарищам морды бить? Ненормально, когда конфликты решаются под домашнему — с помощью колуна или удушения подушкой. За Киноцентр мы судимся и будем судиться, как говорят на нашей исторической родине, до потери пульса. Имейте в виду, что СК имеет на своем балансе 60 тыс. кв. м недвижимости, а это сегодня по российским ценам стоит 70-80 млн долларов.

— А какая кошка пробежала между СК России и Конфедерацией?

— В свое время Конфедерация начала распоряжаться имуществом СК СССР, не являясь его юридическим правопреемником. В споре с СК России Конфедерация разыгрывает националистическую карту. Она утверждает, что СК России якобы является сторонником межнациональных конфликтов. Идея Конфедерации — идея сохранения единого кинематографического пространства. Об этом очень часто говорит Рустам Ибрагимович Ибрагимбеков, но понимает под этим сохранение Конфедерации в ее неизменном виде. Мы говорим, что Конфедерация должна с течением времени меняться вместе с изменением этого пространства. Или, например, неприлично, когда Конфедерацию со своего счета финансирует закрытое акционерное общество, занимающееся риэлторской деятельностью. Конфедерация должна финансироваться за счет взносов своих членов. О какой независимой позиции Конфедерации можно говорить, если она финансово зависит от ЗАО «Киноцентр»?

— Во главе этих двух конфликтующих общественных организаций оказались близкие соратники, соратницы, Никита Михалков и Рустам Ибрагимбеков. Я слышал, между ними начались трения. Видимо, неизбежные...

— Я надеюсь, что в конечном итоге произойдет сближение позиций. Они, эти мастера, вместе и есть Евразия. Ибрагимбеков — Восток, Михалков — Запад. Они недавно договорились, что конфликт между организациями не перерастет в их личный конфликт. Хотя, наверное, есть и сомнение насчет такого розового подхода.

— СК с первых же дней перестройки стал политическим штабом российских демократов. СК выполняет функции горлана-главаря, собирателя либеральных сил. Есть и другая точка зрения — СК должен стать сугубо профсоюзным, цеховым сообществом, как во всем мире, как в Америке. Дико представить, чтобы американская гильдия режиссеров делала заявления по поводу, например, ядерного шпионажа Китая или политики Ирана. Максимум, на что они способны, — это тихо огрызаться на обвинения республиканцев, что кинематографисты, мол, популяризируют насилие и огнестрельное оружие. Россия и здесь показывает пример большевистского задора. Можно ли политическими лозунгами создать единое кинематографическое пространство, о котором вы упомянули?

— Единое пространство? Да никогда Станислав Ростоцкий, потерявший ногу на войне, рядом с...ть не сядет с тем кинематографистом из Латвии, который спокойно смотрит, как у него в республике маршируют фашисты. Понимаете? Ничего общего у бывших друзей не существует. Насчет политизации... К примеру, СК России ничего по поводу Косова не заявлял. Единственное заявление касалось озабоченности судьбой фильмотеки в Белграде. Старый СК, как инструмент идеологического, партийного контроля, умер. А новый, как союз профессиональных гильдий, появится тогда, когда возникнет индустрия кино, которой у нас пока нет. Профсоюз существует на отчисления в его кассу, когда есть целесообразность забастовки. Сегодня в России забастовка в кино — это то же самое, что забастовка сельских библиотекарей. Никому от нее ни холодно, ни жарко.

— Профсоюз — не только для забастовок, но для обеспечения льгот и привилегий своим членам.

— Для этих целей СК — самая адекватная структура. Во властных коридорах нас серьезно воспринимают, может быть, даже много серьезнее, чем мы заслуживаем. Мы пестуем гильдии, помогаем им. Но, понимаете, отрасли как таковой пока нет. Мы — некий хрупкий веревочный мостик, который еще рано превращать в инженерную конструкцию. Сегодня средний возраст члена СК приблизился к 60-ти годам. Как приличные люди, мы должны задать себе вопрос: а почему нашими проблемами должно заниматься государство? Чем мы лучше врачей, учителей, ученых? Да, мы отличаемся от них. Сегодня идет идеологическая война, которая в конечном итоге определит будущее России.

— Война между кем и кем?

— Одна идеология умерла, а новая еще не появилась.

— Но кто с кем воюет?

— Существенно — не кто с кем, а кто за что. Кино сегодня — единственный действенный инструмент воздействия на массовое сознание. Книжки не читают, молодежь сидит в Интернете, телевидение смотреть невозможно — показывают либо ангажированные политизированные программы, либо фильмы, которые 10-15 раз перебиваются рекламой мыла, зубного порошка и гигиенических пакетов.

— Здесь, в Америке, все к этому привыкли...

— А у нас не привыкли. Мы направили совместно с Госкино в Госдуму законопроект, в котором называем врезки рекламы в фильмы нарушением авторских прав.

— Запад вам в этом смысле не указ...

— На Западе все тоже по-разному. Во Франции, например, взаимоотношения кино и телевидения совсем другие, чем в США.

— Когда я был в последний раз в Москве, мне многие говорили, что СК — отжившая структура. Раньше при советской власти выпускалось 250-300 картин в год для кино и ТВ. Сегодня в СК числятся сотни невестребованных режиссеров, операторов, актеров, бездействующих, в полунищете доживающих свой век. Зачем нужен СК, когда в год выпускается 50-60 фильмов?

— Взгляд неправильный. В кино приходят молодые. Во ВГИК идут учиться даже за свои деньги. Общество ощущает тектонические сдвиги. Первоначальное распределение капитала прошло. Теперь карьеру надо делать как в Америке — через корпорацию, двигаясь со ступеньки на ступеньку. Период, когда можно было купить завод или пароход, прошел. Так же и в кино. Кино в России как бизнес будет существовать, потому что мы — большая страна. И в геополитическом смысле — тоже. У народов, живущих на больших тер-

риториях, — России, Америки, Китая, Индии — есть какие-то духовные константы, которые не позволяют закрыть такой ключевой источник национальной самоидентификации как кинематограф просто потому, что он сегодня нерентабелен. Не может быть, чтобы в России смотрели только американское или европейское кино, а своего не было. Я понятно выражаюсь? Нашей радикальной буржуазной революции всего-навсего 10 лет, если отсчитывать от 1989 года, а если по большому счету, с 1993 года, — нет даже и шести. И потом: СК — союз индивидуальных членов. Решат, что он не нужен, члены проголосуют, и никто этому не помешает.

— Давно, еще при советской власти, вождельные корочки члена СК расценивались как возможность приобщиться к благам, в первую очередь, посещать недорогой, вкусный и престижный ресторан Дома кино. И сегодня Карен Шахназаров, например, говорит, что вспоминает СК, когда нужно с друзьями пойти в домашний ресторан.

— Для директора киноконцерта «Мосфильм» Шахназарова это — совершенно естественная позиция. Странно, если бы он мучился проблемами СК, будучи руководителем огромного хозяйства, которое находится на стыке столь разных политических и экономических интересов. Не забывайте, что «Мосфильм» расположен на самом дурацком месте для киностудии, где сотка земли стоит бешеные деньги. Это Ленинские горы, где сосредоточены посольства и дипломатические миссии.

— Так это же выгодное расположение...

— Нет! Там все государственное. Своеобразие жизни «Мосфильма» заключается в том, что это — государственная собственность, руководимая правлением, состоящим из творцов, избранных коллективами своих студий. Сегодня «Мосфильм» не платит налогов на землю Москве, а Москва их в любой момент может установить. И тогда вы понимаете, что произойдет с «Мосфильмом»?

— Ну, хорошо, Дмитрий, подытожим: кому нужен СК?

— Старикам, ветеранам кино. Они получают финансовую поддержку. Даже если бы СК существовал только для поддержки этих 200-300-т человек, свинный был бы тот, кто сказал бы, что СК не нужен. Недавно секретариат СК обсуждал вопрос о персональных добавках к пенсиям. Так вот, вдове Гайдая, — я думаю, читатель вашей газеты знает, что такой Гайдай, — назначена добавка в 200 рублей в месяц. Это меньше 10-ти долларов. Для вдовы Гайдая сегодня, к нашему стыду, это большие деньги. В таком же положении находится и вдова Смоктуновского. А пенсии вообще — менее 30-ти долларов у многих. Бедствуют люди. С другой стороны, СК нужен молодым. Мы сохраняем для молодых воздух, пространство будущего развития. Лоббируем в органах государственной власти интересы отрасли. Естественно, СК хочет, чтобы преуспевающие кинематографисты помогали ему — деньгами, влиянием, общественной работой. В положении Шахназарова были многие из тех, для кого сегодня 200 рублей — деньги. Сегодня — директор «Мосфильма», завтра назначат другого. Пригодится воды напиться.

— В нецивилизованном, тоталитарном советском обществе существовали замечательные адреса так называемых домов творчества — Болшево, Красная Пахра, Пицунда, Репино. Сейчас в цивилизуемом постсоветском обществе эти адреса превращены в руины. Ностальгический всхлип по тем временам неизбежен. На черта нам перемены, когда рядовому киношнику некуда податься...

— В 1987 году, когда начинались реформы, на счету СК было 17 млн рублей при курсе 62 копейки за доллар.

— Колоссальные для России деньги...

— И заметьте, никто у кинематографистов этих денег не отбирал. Никто не бомбил Болшево и Красную Пахру, никто не пилил ножовкой трубы в Репино и в доме ветеранов кино

Матвеевское. Если бы кто-то украл — это было бы самое легкое. Мы бы вора вычислили и отобрали украденное.

— Что же произошло?

— Да просто прос...али! Такое есть русское слово. Пустили на ветер.

— Как в «Собачем сердце»? Пришли Швондеры и заглянули профессорский дом. И кто эти Швондеры?

— Каждый по чуть-чуть и все вместе. И никто конкретно. И никто не несет ответственности. Что касается ностальгии — она неконструктивна. Обратного движения уже не будет. Изменилось время, и уже невозможна ситуация, при которой общественная организация бездарно профукает 27 млн долларов за пять лет. Люди поняли, что халявы больше не будет, что приватизировать страну можно лишь один раз. Люди помнят не только удобства Красной Пахры и Болшево, они помнят, как повесился Шпаликов, как уехали Тарковский и Кончаловский, как люди спивались, погибали.

— А сейчас что, этого не происходит?

— Это происходит, но не по идеологическим причинам. Не все, естественно, вписываются в крутые повороты. Не все готовы отвечать за свою свободу. Ведь свобода — это не только, когда ты свободен от государства, но и когда государство свободно от тебя. Если люди это понимают, им легче расставаться с иллюзиями о прошлом и жить сегодняшним днем.

— Вы работаете в СК два года. Нет ощущения, что пробуксовываете, упираетесь в глухую стену?

— Нет. Другое дело, что справедливость не измеряется масштабами человеческой жизни.

— Что вы имеете в виду?

— Что быстро хорошо не бывает.

— Награда не находит героя?

— То, что разрушалось пять лет, восстанавливать придется лет пятьдесят. К сожалению. В диалоге с Госкино, с министерствами и банками мы стремимся создать новую структуру киноvideорынка. Первое, что в 1987 году сделали художники, — разорвали отношения с прокатчиками, полагая, что в коммерции — корень зла. Сейчас мы восстанавливаем эти связи, создаем механизмы инвестирования в кинотеатры, защиты авторских прав, законодательную базу, систему электронной продажи билетов.

— Не могу не спросить: как вам удается совмещать такие нагрузки в СК, Фонде культуры, а теперь еще в Союзе общественных организаций России?

— Я работаю не один, у нас команда. Команда — много людей.

— А сам Никита Михалков занимается административной работой? К бумагам прикасается ручкой?

— Прикасается, когда видит на обратной стороне бумаги от 2-х до 10-ти виз.

— Выносит вердикт или накладывает вето? А к сильным мира сего ходит, хлопочет за коллег?

— Он работает часов 16-18 в сутки. За последние несколько месяцев он облетел 50 российских городов.

— Не оставил мысль о президентстве?

— У него ее не было. Но Михалков органически не может не мыслить в масштабах страны. Поскольку в стране сегодня есть нормальные люди, которых можно поддержать, в этой ситуации не обязательно стремиться наверх. Кроме того, у него нет опыта государственной работы. Ему знакомы политика, бизнес, православная тематика. Он глубоко и по-деревенски верующий человек. У Михалкова колоссальная физическая энергия. Два-три часа в день он проводит в спортзале.

— Вас он никак спортом не увлеч?

— У нас с ним постоянные конфликты по поводу моей крайней физической отсталости. У меня никак не получается втягивать живот (хохочет). Доходит до личных ссор. Он еще многих переделает.

Беседу вел
Олег СУЛЬКИН
(Газета «Новое Русское слово», г. Нью-Йорк)

